



Посвящается женщинам, которые служат в армии,  
покинув дом, друзей и семью.  
С благодарностью, любовью и уважением.

Особенная благодарность сержанту Бетти Терман,  
поделившейся с автором историями из своей жизни.  
Любые неточности в этой книге  
сделаны по моей вине.

Я благодарю Дженнет Бланко,  
прочитавшую эту книгу — «для проверки».  
Огромное спасибо за ваши замечания  
и предложения. Привет фанатам группы  
«Золото Дураков»! Вы лучше всех!



## Глава 1

— Завтра я отправлюсь на войну. Может, не вернусь.

Мишель Сандерсон разглядывала почти новый (все-го-то пять лет) грузовик, раздумывая, стоит ли его покупать. После этих слов она медленно повернулась к парню.

Совсем мальчишка — лет восемнадцать или девятнадцать, рыжеволосый и с веснушками. Шустрый, но слишком-слишком молодой. Впрочем, руки-ноги длинные, да и грудь еще раздается. «Все-таки скорее мужчина, чем мальчишка, — подумала она, — но пока еще не созрел».

— Извини, — сказала она, почти уверенная, что ослышалась. — Что?

Он подмигнул ей с широкой ухмылкой:

— Может, я не задержусь в этой жизни. Вот ты купишь сейчас тачку, а потом давай выпьем. Я иду в армию, понимаешь? Давай обмоем это дело.

— Сейчас два часа дня.

— Тогда можем заехать ко мне домой.

Мишель не знала, то ли ей рассмеяться, то ли отшить его, да так, что он заплачет, как маленькая девочка. Уж ей-то не привыкать. Она служила в армии десять лет, причем половину из них в Ираке и Афгане. Ей нередко приходилось отшивать похотливых ребят, уверенных в своей неотразимости, и у нее был солидный опыт по этой части.

Смеяться ей, впрочем, было тяжело. У нее болело все тело. Не только бедро, словившее не так давно парочку

афганских пуль, после чего ей частично заменили сустав, но и все остальное. Она провалялась в госпитале дольше, чем ей хотелось бы. Физиотерапевт заверял ее, что все постепенно пройдет. Она пыталась качать права, мол, рано выписывают, и ее оставили еще на три дня, но потом все-таки выпихнули.

— Слушай, я не старовата для тебя? — спросила она.

— Зато опытная. — Парень подмигнул.

Она все-таки засмеялась, несмотря на боль:

— Да, конечно. Фантазии покоя не дают?

— Спрашиваешь!

Его так и разбирает, подумала она, с каждой секундой все сильнее ощущая усталость. А еще, вероятно, ему не успели проверить зрение. Она знала, что не в лучшей форме: бледная, похудела, пока валялась на больничной койке, глаза ввалились, волосы тусклые. Ходит, опираясь на трость. Парень молодой, гормоны разбушевались, и он ничего не видит.

Сообразить, как отказаться от его приглашения, она не успела: из-за угла выскочил желтый лабрадор и помчался к ней. Мишель торопливо отступила на шаг, чтобы он не сбил ее с ног. Это движение дало нагрузку на бедро, и все ее тело пронзила острая боль.

На секунду все поплыло перед глазами. Она почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. К горлу подкатила дурнота. Ничего себе выбор, в отчаянии подумала она, стараясь прийти в себя, не нужно мне ни того ни другого. На удивление сильная рука обхватила ее и удержала от падения.

— Бастер, уйди.

Мишель заморгала, и прохладный, сырой день вернулся на свое место. Огонь в бедре уменьшился, и она смогла дышать. Парнишка стоял так близко, что она видела веснушки на его носу и маленький шрам на правой щеке.

— Ты как, нормально? — спросил он.

Она кивнула.

Он немного отошел и пристально посмотрел на нее. Пес тоже отбежал и тревожно повизгивал, глядя на нее темными глазами.

Она протянула к нему руку:

— Все о'кей, Бастер. Все нормально.

Пес подошел и обнюхал ее пальцы, потом быстро лизнул.

— Эй, Бастер, я сам хотел это сделать, — сказал парень и неуверенно засмеялся.

— Извини. Он мне больше приглянулся. — Мишель улыбнулась.

— У тебя что-то болит?

Она слегка подняла трость:

— Ты думал, это у меня для понтов? Модный аксессуар?

— Вообще-то, я даже не заметил ее.

Кажется, она была права и у него в самом деле что-то со зрением.

— Просто недавнее ранение. Пуля задела. — Вообще-то, пуля серьезно повредила мышцы, кость и несколько сухожилий, но кому это интересно?

Парень посмотрел на ее трость, на армейский ранец на тротуаре и снова заглянул в глаза Мишель.

— Ты была там? — спросил он.

Слово «там» можно было бы отнести к сотне мест, но она знала, что он имел в виду. И молча кивнула.

— Круто. Ну и как там? Тебе было страшно? Как ты думаешь... — Он вздохнул, потом выпалил: — Я смогу это выдержать, как ты думаешь?

Ей хотелось сказать ему: нет. Что остаться дома, тусоваться с друзьями, ходить в колледж было бы гораздо проще. Безопаснее. Удобнее. Но простой путь не всегда лучший, а некоторые люди готовы платить любую цену, только бы поучаствовать в каких-нибудь эпохальных событиях.

Сама она оказалась в армии по менее романтическим причинам, но со временем перековалась в солдата. Загвоздка состояла в том, как ей теперь повернуть все вспять — к нормальной жизни.

— У тебя все будет в порядке, — сказала она, надеясь, что это правда.

— Я стану героем? — спросил он с ухмылкой и похлопал рукой по пикапу. — О'кей, ну, ты меня прямо смутила. Такая сексуальная да еще *и ветеран войны*. Но я все равно буду стоять на своем. Я хочу десять тысяч. И ни цента меньше.

Сексуальная? Вот это уже совсем *смешно*. На нынешнем этапе жизни она с трудом могла представить себя подружкой девятнадцатилетнего парня. Хотя — еще бы! — такой комплимент всегда приятно услышать.

Она снова переключилась на автомобиль. Выглядит прилично, сравнительно новые шины и лишь парочка вмятин. Пробег тоже не слишком большой; это позволит ей спокойно проездить несколько лет, не думая о ремонте.

— Десять — офигенно много, — ответила она. — Я плачу налом. Меня устроит что-то ближе к восьми.

— К восьми? — Он прижал руки к груди. — Ты меня убиваешь. Неужели ты хочешь убить меня, будущего героя?

— Ладно тебе, детка, — засмеялась она. — Давай прокатимся и заедем к моему приятелю-механику. Если он скажет, что машина хорошая, я дам тебе девять с половиной и можешь считать себя в выигрыше.

— Дело говоришь.



Через два часа Мишель высадила парня — Брендона — возле его дома. Знакомый механик осмотрел грузовик и показал большой палец, после чего она рас-

сталась с аккуратной пачкой новеньких банкнот. Взамен забрала документы и ключи.

Теперь, отъезжая от дома Брендона, Мишель поглядывала на серое небо. Она вернулась в штат Вашингтон, на его запад, где дожди шли так часто, что солнечный день становился сенсацией и о нем писали газеты. Везти вещи в кузове было рискованно, они легко могли намочнуть, но она решила, что тучи выглядят скорее ленивыми, чем зловещими, и она доедет до дома без дождя.

Дом. Он был так далеко от места, где она провела последние десять лет. Ежевичный остров, настоящий островок<sup>1</sup> в заливе Пьюджет-Саунд, соединенный с материком длинным мостом, может, технически и находился недалеко от Сиэтла, но это был совсем другой мир. Единственный городок на острове гордо именовал себя «Новой Англией Западного побережья». Мишель никогда не понимала зачем.

Тихий туристический остров с разнообразными магазинчиками и неторопливым течением жизни славился в первую очередь ежевикой. На нем было полно глупых традиций, а ритм сезонов всегда казался ей досадно нелепым. Во всяком случае, раньше. Но то, что она когда-то не ценила, теперь выглядело вполне привлекательным.

Она поерзала на сиденье; боль в бедре никогда не исчезала. Физиотерапевт клялся, что все быстро пройдет и что Мишель поправится быстрее, чем думает. Ей уже надоел сам процесс выздоровления — он тянулся чертовски долго. Но торопить тело было совершенно незачем.

---

<sup>1</sup> Слово «Айленд» (Island, остров) часто встречается в англоязычных топонимах (например, в названии американского штата Род-Айленд), однако не всегда относится к настоящим островам, в отличие от этого случая. — *Здесь и далее прим. ред.*

Она выбралась на приличную дорогу, потом на авто-страду. Вписалась в поток и поехала на север. Ее удивило количество машин. И порядок на дороге. За последние годы она привыкла к «Хаммерам» и десантным боевым машинам, а не к спорткарам или внедорожникам. Успела она забыть и здешний сырой, холодный воздух. Она включила печку и пожалела, что не вытащила из рюкзака куртку. Неважно, что на дворе май. В этой части страны погода не для неженки. Лето наступает поздно. К счастью, туристы его не ждут и заявляются раньше.

Она знала, какими будут ближайшие четыре месяца. Со Дня поминовения в конце мая и до Дня труда в сентябре остров будет набит туристами. Они приезжают ради знаменитых журавлей Пьюджет-Саунда, катания на лодках и ежевики. Ежевичный остров, как всем известно, жемчужина Западного побережья. Туристы наполняют рестораны, магазинчики, будут покупать всякие поделки. И есть ежевику.

Они будут добавлять свежую ежевику в оладьи, салаты и вообще в любые блюда, известные человеку. Будут покупать в ларьках ежевичное мороженое и пирожки с ежевикой, кухонные полотенца и кружки с ежевичными рисунками и пробовать сомнительные результаты ежегодного кулинарного состязания «Ежевика с перцем». И что лучше всего — они займут все свободные комнаты в радиусе пятидесяти миль. Включая номера в отеле «Ежевичный остров».

Мишель буквально услышала радостное гудение гостиничного счетчика банкнот. Как и почти любой бизнес на острове, отель каждый год зарабатывал почти все деньги за эти четыре драгоценных месяца. Дни будут длинные, часы — бесконечные, от работы будет разламываться спина, но после долгого отсутствия Мишель не терпелось включиться в жизнь отеля. Вернуться в то место, где ничего и никогда не меняется.



— Она уже здесь? — спросила Дамарис, остановившись в дверях кабинета.

Карли Уильямс оторвалась от гостевой карточки, на которой писала приветствие. Отель «Ежевичный остров» предлагал своим гостям персональный сервис. Перед их приездом Карли узнавала, кто они такие, и оставляла в номере приветственные карточки. Немолодые супруги Баннеры, регулярно приезжавшие на остров полюбоваться на журавлей и отведать вина, как-то обмолвились, что очень любят воду. С тех пор Карли следила, чтобы они жили в номере с окнами на запад, а на их приветственной карточке было фото залива Блэкберри на закате.

На листе бумаги валялись обрезки ленточек и тесемок и погнутый пинцет. Там же стоял клеящий карандаш. Карли машинально стряхнула с ладони маленькую блестку.

— Еще нет, — ответила она и улыбнулась. — Я ведь сказала, что дам тебе знать, когда она приедет.

Дамарис вздохнула. Очки сползли на кончик носа, придавая ей вид рассеянной особы. Новички из obsługi не раз жестоко обманывались, надеясь, что она не заметит опоздания или оплошности официантки, не предложившей гостю кофе.

— Я надеялась, что она уже здесь, — сказала Дамарис. — Я так соскучилась по Мишель. Так давно ее не видела.

— Это верно, — пробормотала Карли; ей не хотелось думать о том, как изменится ее жизнь после возвращения Мишель. Как бы она ни напоминала себе, что Мишель ранена, у нее все равно жгло и тянуло под ложечкой.

Теперь все стало по-другому, уговаривала она себя. Последние три месяца она разумно управляла отелем, совсем одна. Она была ценным работником для отеля. Вот только поймет ли это Мишель?

Дамарис зашла в кабинет и села возле стола.

— Я до сих пор помню, как она наняла меня, — вздохнула пятидесятилетняя повариха. — Сколько ей тогда было? Шестнадцать? У меня дети были старше ее. Она сидела вот там же, где ты сейчас. Такая перепуганная. Я видела, как она дрожит. — Узкие губы женщины растянулись в улыбке. — Она взяла в библиотеке книгу с советами, как проводить собеседование. И пыталась спрятать ее под бумагами, но я все видела.

Улыбка сползла с ее лица, а темные глаза прищурились.

— Ее матери, Бренде, тоже не мешало бы в свое время заниматься такими вещами, но она никогда этого не делала. А Мишель любила этот отель.

Карли вздохнула. Они с Дамарис много раз спорили на эту тему. Карли соглашалась, что да, у Бренды имелись недостатки, покойница была не подарок. Но ведь она спасла Карли. Дала ей работу и цель в жизни. Так что Карли в долгу перед ней. А что до Мишель...

— Надеюсь, ей понравятся перемены, — отрешенно пробормотала Карли. Грудную клетку стянуло напряжение, причем настолько сильно, что ей пришлось заставлять себя расслабиться, чтобы сделать глубокий вдох. Ей больше не нужны стрессы в жизни. — Ведь ты написала ей о том, что мы сделали, да?

— Я писала ей каждый месяц, — ответила Дамарис и всхлипнула. — А вот ее мать никогда этого не делала.

«Ну вот, опять она за свое, забалтывает меня», — подумала Карли. Но сдаваться не собиралась.

— Гостям нравятся твои булочки с ежевикой. Я вот что подумала. Может, нам по воскресеньям продавать их

в упаковке? Чтобы наши гости могли увозить их домой в качестве сувениров. Как ты думаешь? Или это слишком хлопотно?

Дамарис выпрямилась:

— Я могу печь и больше. Разница небольшая.

— Мы можем продавать их упаковками по четыре и по восемь штук. А завертывать в декоративную пищевую пленку, которую недавно купили.

Дамарис уже знала себестоимость каждой булочки, так что рассчитать цену было довольно легко. Карли хотелось положить к выпечке еще и бумажку с рецептом, но она знала, что лучше даже не заикаться об этом. Дамарис защищала свои рецепты, как тигрица своих тигрят, — зубами и когтями.

— Я загляну к тебе еще раз. Может, она к тому времени уже приедет, — сказала Дамарис, вставая.

Карли кивнула и с неохотой вышла из кабинета. Мало что в отеле осталось прежним — отрицать невозможно, как ни старайся. Бренды нет, а Мишель возвращается. Уже этого было достаточно, чтобы нарушить баланс, но ведь наверняка появятся и новые сложности. Десять лет отсутствия изменят любого, и Карли знала, что Мишель вернется совсем другой. Вот только насколько другой — это вопрос. Люди не всегда меняются в лучшую сторону.

Она остановилась в коридоре. Как можно измениться в лучшую сторону? Может, и ей хватит уже читать библиотечные книги с разными советами, а вместо этого завести приятный роман и расслабиться?

Она прошла в вестибюль и шагнула за высокую темную резную стойку администратора. Погладила знакомую, слегка потертую поверхность, и это прикосновение ее успокоило. Она знала каждую царапину, каждое пятнышко. Левый нижний ящик всегда застревает в дождливую погоду, а ручка правого верхнего разболталась. Она знала, где уборщицы прячут лишние полотенца и в

каких номерах может барахлить сантехника. Она даже с завязанными глазами найдет любое помещение. Даже в полной темноте она скажет, где находится, по запаху, по скрипу половиц, по выключателям.

Десять лет этот отель был ее домом и убежищем. Ее ужасно пугало, что Мишель одним движением руки может отобрать у нее все. И никого не смутит, что это будет несправедливо с точки зрения высоких моральных ценностей. Карли опасалась, что о них уже мало кто помнит.

— Вон! Гляди! — закричала Дамарис и показала на окно.

Карли посмотрела на чисто вымытые стекла и увидела поначалу лишь их блеск и белую раму и только потом — подъехавший маленький грузовик. Она перевела взгляд на зеленую траву и россыпь ромашек.

Цветы были ее хобби, ее страстью. Там, где другие мало что замечали, она видела герберы, шасту, нивяник, «огни Бродвея», «голд раш», гелиопсис и, конечно, уникальную ежевичную ромашку. Ромашки были символом отеля. Они были изображены на вазах, стоявших на ресторанных столах. Они танцевали на обоях номеров, украшали стены коридоров и фирменные блокноты отеля. Она думала о цветах в саду отеля, когда помогала Бренде выбрать цвет для новой крыши. Теперь на крыше лежала темно-зеленая композитная черепица, и этот цвет повторялся в ставнях и парадной двери.

Дамарис бежала по лужайке; белый фартук трепетал, словно крылья бабочки. Карли смотрела ей вслед, хотя и без особого желания, и прислушивалась к возгласам, хотя мало что слышала. Пожилая повариха раскинула руки и обняла женщину, гораздо более высокую и худую, чем помнила Карли.

Мишель выпрямилась, усмехнулась и тоже обняла Дамарис. Ее прическа изменилась и была уже не такая

короткая, как когда-то. Теперь на голове Мишель была темная грива волос, почти кудрявых. Лицо утратило прежнюю округлость. И вообще она выглядела словно после долгой болезни. Конечно, Карли знала про ее ранение. Мишель казалась слабой и хрупкой, но Карли не доверяла тому, что видела. Мишель была не из тех, кто позволяет себе слабость. Ее скорее можно было сравнить со страшными инопланетянами из фильмов, которые никогда не сдаются.

Она и Мишель были практически ровесницами — с разницей всего в несколько месяцев. Когда-то давно, до того как все переменилось, Карли знала лицо Мишель лучше, чем свое собственное. Она знала на нем каждую царапину и историю ее появления.

В ее жизни были три переломных момента: день, когда она прочитала прощальную записку сбежавшей из дома матери; вечер, когда Карли увидела, что ее лучшая подруга спит с ее женихом, и утро, когда Бренда увидела в магазине рыдающую Карли, потому что у нее не было денег даже на бутылку молока, которое она должна была пить каждый день по настоянию акушерки.

Если сложить эти эпизоды вместе, едва ли получится и четверть часа. Минута тут, две минуты там. Но все-таки каждый из этих эпизодов изменил ее жизнь, разбил все, что было ей дорого, швырнул Карли на пол и оставил лежать хватая ртом воздух. От ее прежнего мира, частью которого была и Мишель, остались лишь жалкие клочки.

Затаив дыхание, Карли глядела на подходившую к отелю женщину. Снова ее налаженная жизнь висела на волоске. Снова Мишель будет решать ее судьбу, и Карли ничегошеньки не могла с этим поделаться. От такой несправедливости у нее перехватило дыхание, но она велела себе расслабиться, потому что бывало и хуже. Она переживет и это.

Зазвонил телефон. Карли повернулась к стойке администратора и взяла трубку.

— Отель «Ежевичный остров», — сказала она чистым, уверенным голосом.

— Сейчас посмотрю, — продолжала она и заглянула в компьютер. — Да, у нас есть свободные комнаты на это число.

Записывая информацию, подтверждая время прибытия и номер кредитной карточки, она чувствовала приближение Мишель. Охотник вернулся. Карли оставалось лишь гадать, станет ли она его очередной добычей или отпразднует вместе с Мишель их совместный успех.

## Глава 2

**З**нать и видеть — вещи разные. Мишель смотрела на фасад отеля и понимала, что впереди ее ждет еще не одно разочарование.

— Как хорошо, что ты вернулась, — сказала Дамарис и снова обняла ее так, что у Мишель захрустели кости.

Что ж, по крайней мере, это было знакомо, как и запах корицы и ванили от булочек, которые пекла повариха каждое утро. Но все остальное было ужасным. Начиная с крыши — отвратительного зеленого цвета — до таких же ставень. Изменился даже силуэт здания, в котором выросла Мишель: отель утратил прежнюю стройность линий, казался потяжелевшим. Как будто на нем лежали булочки с ежевикой, и теперь их нужно было убрать оттуда и помочь зданию «прийти в форму».

Слева, где прежде был ресторан, из стены торчала пристройка, врезавшаяся в боковую лужайку и склон, по которому Мишель каталась ребенком. Справа, словно бородавка, примостилось яркое и кричащее недоразумение с витринами, где была выставлена обычная островная дребедень — куколки и маяки, ветряные колокольчики и мелкие витражи.

— Там теперь сувенирная лавка? — спросила она, вернее, прорычала.

Дамарис пожала плечами и вздохнула:

— Это была идея твоей матушки. Или, может, Карли. Не знаю, не слышала их разговоров. Они как птички. Чирикали, щебетали, ничего не понять.

Маленькие, но сильные руки Дамарис схватили ее за локоть.

— Не переживай из-за этого. Ты теперь дома, и это самое главное. — Она озабоченно поджала губы. — Ты слишком худая. Погляди на себя. Кожа да кости.

— Это из-за госпиталя, — призналась Мишель. — Ничего так не лишает тебя аппетита, как попавшая в бедро пуля.

Краешком глаза она уловила трепет крыльев. Вот они: неизменные журавли кружили над серыми водами Пьюджет-Саунда. Эти птицы привлекали на остров туристов и орнитологов. Люди почему-то находят их интересными. Что до Мишель, то она никогда их не любила. Когда ей было восемь, она то и дело становилась жертвой журавлиного помета. То ли ей просто не везло, то ли это был птичий заговор. В любом случае если раньше она была равнодушна к журавлям, то с тех пор возненавидела их. Ей до сих пор хотелось, чтобы они исчезли с острова.

Она снова посмотрела на отель, и сердце защемило от разочарования. Зачем так изуродовали красивую постройку? Матери не стоило этого делать.

«Впрочем, едва ли это вина матери, — сказала себе Мишель. — Тут подсуетилась Карли, это точно».

— Заходи в дом, — сказала Дамарис, подходя к крыльцу. — Сейчас пойдет дождь, а я хочу тебя покормить.

Мишель постепенно успокаивалась. Что ж, по крайней мере, Дамарис такая, как и была, — приветливая и добрая; ей всегда нужно накормить всех вокруг. На нее можно положиться.

Она шла рядом с низенькой поварихой. Ей хотелось опереться на трость, но она категорически запрещала

себе проявлять слабость. Не та ситуация. Сейчас она не знала, чего ей еще ждать, каких сюрпризов. А в ее мире было так: если ты не знаешь, что тебя ждет, значит, ты в опасности.

Да уж, мрачно подумала она, это замечательный результат ее многократных командировок в Ирак и Афганистан. Помимо нескончаемых и изматывающих ночных кошмаров, неожиданных вспышек гнева и миленького тика, который появлялся время от времени под левым глазом.

Она-то, дура, убеждала себя, что все станет о'кей в ту же секунду, как только она увидит отель. Что достаточно будет вернуться домой. Конечно, она понимала, что это самообман, но надежда все-таки жила. Теперь надежда съезжилась и сдохла, оставив ей лишь боль в бедре и отчаянное желание вернуться назад, в прошлое. Чтобы ей снова было десять лет и она забралась бы на колени к папе и почувствовала, как его сильные руки обнимают ее, прогоняя все горести.

— Мишель? — В голосе Дамарис звучало беспокойство.

— Все нормально, — солгала она и улыбнулась. — А если не веришь, скажу тебе, что я планирую вскоре поправиться. Такой ответ тебя устроит?

— Только если ты пообещаешь мне усиленно питаться.

— Пока пузо не лопнет.

В волосах Дамарис появилась седина, совсем чуточку, а возле глаз прибавилось морщинок, но в остальном она совсем прежняя. Ладно, и то хорошо. Мишель искала хоть что-то, что она могла бы узнать. «Даже в саду стало все по-другому», — подумала она и остановилась перед яркими цветами, шевелившимися под ветерком.

Их оттенки складывались в веселый узор, он обрамлял лужайку, тянулся к дому, огибал его. Цветы все были разные, и они будто что-то искали, неизвестно что, но

очень настойчиво. Их яркость была по ее измученным нервам, они словно кричали ей что-то, и Мишель хотелось закрыть глаза и заткнуть уши.

Перед ступеньками веранды ее внимание снова вернулось к отелю. Она собралась с силами, чтобы справиться с огнем, который обожжет ее бедро и ногу и сменится тошнотой и потом.

Она поставила правую ногу на первую ступеньку, подняла левую. Готовность к пламени не сделала его менее обжигающим. Боль разрывала ее, заставляла взмолиться о пощаде или хотя бы остановиться. Столько переделок в отеле, но почему же тут не позаботились о пандусе?

Добравшись до верха, она покрылась холодным, липким потом, а ее ноги дрожали. Если бы она что-нибудь поела утром, ее бы стошнило. Ничего себе — элегантно возвращение домой. Карие глаза Дамарис пристально, с тревогой наблюдали за ней.

— Ты подумала о матери? — спросила она спокойно, словно ответ ей и не был нужен. — Я знаю, что вы с ней никогда не ладили, но все равно, ведь она умерла. Не осуждай себя за то, что ты не приехала на похороны.

— Я и не осуждаю, — выдавила из себя Мишель сквозь стиснутые зубы. Огнестрельное ранение — лучшее из оправданий.

Еще несколько вдохов и выдохов — и боль немного стихла, ее можно было терпеть. Мишель кое-как смогла выпрямиться. Это позволило ей заметить, что мебель на веранде была новая, как и перила. Мать явно свободно распоряжалась доходами от отеля.

— Привет, Мишель. С возвращением домой. Добро пожаловать.

Мишель посмотрела в сторону широкой двустворчатой двери и увидела стоявшую на пороге Карли.

Здесь тоже перемены. Короткие волосы вместо длинных, но такие же светлые; те же темно-синие глаза, но

чуть-чуть подведенные. Меньше от готки, больше от леди-за-ланчем<sup>1</sup>.

Простая черная юбка и туфли на плоской подошве, розовая блузка с длинными рукавами и крошечными рюшами на манжетах — абсолютно профессионально для отеля. Рядом с Карли Мишель показала себе грубой в своих мешковатых штанах карго, но их ей проще всего натянуть. Футболка с длинными рукавами побывала на войне и выглядела соответственно. Мишель не помнила, когда в последний раз пользовалась косметикой или кремом. Или стриглась у профессионального парикмахера.

На контрасте с ней Карли была красоткой. Красивее, чем Мишель помнила ее. Женственнее.

Когда они росли, красоткой была Мишель — с длинными темными волосами и большими зелеными глазами. Карли была умной. Напарницей в конкурсе «У кого лучше улыбка»... Мишель расстроилась, ей захотелось повернуться и уехать. Назад в...

В том-то и дело. Отель — это все, что у нее есть, и уезжать не выход.

Карли продолжала улыбаться, выглядела спокойной, держала себя в руках.

— Мы так рады, что ты вернулась. — Улыбка исчезла. — Мне очень жаль Бренду. Она была чудесной женщиной.

Мишель подняла брови. Покойную мать можно было описать разными словами. Но слова «чудесная» среди них не было.

Впрочем, еще больше ее обеспокоили манеры Карли. Словно это было ее место, где она всех встречала. Словно она чувствовала себя здесь полновластной хозяйкой.

---

<sup>1</sup> Ladies-who-lunch («леди-за-ланчем») — так называют женщин, у которых достаточно времени и денег, чтобы устраивать или посещать светские обеды в дорогих заведениях в течение рабочей недели. Часто это жены состоятельных мужчин.

— Прошло так много времени, — добавила Карли. — Я не видела тебя с... — Она помолчала. — Прошло так много времени, — повторила она.

Эти слова, может, импульсивные, может, приготовленные, напомнили Мишель последние часы, которые она провела в этом доме. Предполагалось, что она должна чувствовать себя смущенной или виноватой. Карли ожидала от нее извинений. И все же, несмотря на то что она сделала, Мишель обнаружила, что ей хотелось, чтобы извинилась Карли. Словно это Карли сделала ей гадость, а не наоборот.

Они долго глядели друг на друга. Мишель гнала от себя воспоминания. Слишком хорошие, думала она с неприязнью. Они с Карли провели вместе тысячи часов, они вместе росли...

Она деловито направилась к двери. Как и ожидалось, Карли шагнула в сторону, пропуская ее.

Внутри тоже все переменялось, как и снаружи. Новые шторы веселенькой расцветки, вокруг камина тоже все новое. Деревянный пол покрыт свежим лаком, стены покрашены, в коридоре, ведущем в ресторан, появилась на стене роспись — те же самые чертовы ромашки.

Но стойка администратора была прежней, и это немного успокоило Мишель, поддержало ее морально — увы, не физически. Пока комната кружилась и плыла перед глазами, Мишель поняла, что с ее стороны глупо было ожидать, будто в отеле ничего не изменится. Ей казалось, что она вернется точно туда, откуда уехала, — минус ее мать. Что, войдя в свой дом, она почувствует себя так, будто никуда не уезжала. Будто никогда не была на войне.

— У тебя все в порядке?

С этими словами Карли протянула руку. Свет упал на золотой браслет на ее запястье.

Мишель прекрасно знала его. В детстве ее завораживало сверкание золотых шармов. Когда она подросла, она узнала историю каждого шармика, а потом и сама придумывала маленькие сюжеты про нежную морскую звезду, крошечную тувфельку. Браслет принадлежал ее матери — и вызывал в памяти Мишель чуть ли не единственное хорошее воспоминание о ней.

Теперь его носила Карли.

Мишель не нужен был этот браслет, но, черт побери, она не хотела видеть его на Карли.

В ней забурился, зашипел гнев, словно воду плеснули на горячую сковородку. Ей захотелось схватить Карли за тонкую руку и сорвать с нее эти золотые цепочки. Забрать их, растоптать, наорать на бывшую подругу.

Она набрала полную грудь воздуха, как ее учили. Хотя она не очень верила в посттравматический синдром, ей сказали, что он у нее присутствует. Поэтому она слушала консультантов, а те говорили, что ей нужно избегать стрессов, много отдыхать и хорошо питаться. Она слушала и запоминала то, что могло ей пригодиться.

Она сделала дыхательное упражнение, потому что у нее болело все тело и она больше ни на что не была способна. Потом захромала прочь с невыносимым огнем в бедре. Мягкие ткани ее тела буквально рыдали.

Она прошла направо через небольшой холл, повернула за угол и остановилась перед дверью без таблички. «Наконец-то, хоть это не изменилось», — подумала она и погладила пальцами дверную раму, где маленькими насечками было отмечено, как она росла. Насечки резко закончились, и не из-за того, что она перестала расти, а потому что отца, человека, который так любил ее, уже не было с ними.

Она повернула дверную ручку и хотела зайти в комнату. Спрятаться там и зализать свои раны.

Дверь была заперта. Новая попытка, и вот она постучала кулаком — резко и решительно.

Дверь открылась, за ней стояла, вытаращив глаза, девочка-подросток.

— О, привет, — сказала она, слегка наморщив веснушчатый нос. — Гостевые комнаты все наверху. Это приватная зона.

— Я знаю, что это такое, — ответила Мишель, заговорив впервые после того, как зашла в отель.

— Кто это, Бриттани? — крикнула другая девочка из глубины комнаты.

— Я не знаю. — Девочка-подросток снова повернулась к двери и ждала, когда Мишель уйдет.

Мишель хотела зайти в свою комнату, рухнуть на постель и спать. Потому что сон — лекарство, когда удается заснуть.

Она прошла мимо девочки и шагнула в Зазеркалье.

Там все изменилось, ничего не осталось таким, каким должно быть. Ни стена, ни ковры на полу, ни мебель. Исчезла старая клетчатая софа, на ее месте стоял тугий диван с голубоватым чехлом. Назойливые ромашки были всюду — в вазах, на подушках и картинках. Даже на занавесках. А там, где их не было, — там была ежевика.

Она озадаченно смотрела на новые стулья, на незнакомый кухонный столик и игрушки. Домик для кукол в углу. Плюшевые звери и коробки с играми на широком подоконнике.

Девочка лет десяти встала перед Мишель и испуганно посмотрела на нее темно-синими глазами. В руке она держала плеер.

— Кто вы? — спросила она, раскрыв большие глаза еще шире. — Я знаю, — прошептала она и попятилась назад. — Уйдите. Вы должны немедленно уйти!

— Габби! — с ужасом воскликнула подросток.

Мишель выскочила из комнаты, игнорируя мучительную боль в бедре, и заковыляла прочь. Все шло не так. Слишком много боли, стены плывут перед глазами. Она не могла дышать, не понимала, куда попала. Она шагнула, как ей казалось, на твердую почву, но вместо этого обнаружила, что проваливается в бездонную трясину.

Она быстро неслась по коридору, понимая, что ей это вредно и что она скоро заплатит за свою неосторожность. Но сейчас ей было плевать. В холле ее ждала Карли. Элегантная, подтянутая и с браслетом Бренды. Мишель остановилась перед ней.

— Ты уволена, — медленно и внятно проговорила она, несмотря на жгучую боль в бедре.

Карли побледнела.

— Что? Ты не можешь так поступить.

— Могу. Отель принадлежит мне, забыла? Ты уволена. Собирай вещи и катись отсюда. Я больше не хочу тебя видеть.

Она прошла мимо Дамарис, скорее сползла, чем сошла по ступенькам и направилась к автомобилю. Чуть не потеряла сознание от боли, когда втягивала в кабину левую ногу, потом завела мотор и умчалась прочь.

Два резких поворота направо, и она остановилась на обочине. Из горла вырвались отчаянные рыдания. Холод пробрал ее до костей, руки дрожали.

Слез не было — только звуки и понимание того, что хоть она и вернулась домой, это не означало, что у нее был дом.

## Глава 3

— Сегодня у нас в ресторане особое блюдо — курица под соусом марсала, — с улыбкой сказала Карли пожилым супругам, сидевшим у окна. — Грибы, свежая зелень и сливочный соус марсала с пастой ригатони. Потрясающе вкусно.

Женщина с седыми волосами, уложенными в высокую прическу, улыбнулась.

— Не уверена, что моя талия это выдержит, но предложение заманчивое.

Ее супруг кивнул:

— Мы принесли свое вино. У вас это можно, не так ли?

Карли взглянула на бутылку. В левом верхнем углу этикетки наклеен стикер с ежевикой. Значит, бутылка куплена в городе.

— Конечно, — ответила она. — У нас нет пробкового сбора. Хотите, я открою вашу бутылку, чтобы вино подышало?

Мужчина усмехнулся:

— Не знаю. Вы так любезны.

— Вы выбрали прекрасное вино. Почему бы вам не открыть его? Пока вы делаете заказ, я принесу бокалы, и вы снимете пробу.

— Благодарю вас. — Женщина похлопала мужа по руке. — Нам тут очень нравится. Это наш третий визит сюда. Мы не были у вас несколько лет и сейчас видим замечательные перемены.

— Спасибо. Надеюсь, вы не оставите нас надолго и вернетесь снова.

Она извинилась и ушла в буфетную. Взяв бокалы для вина и штопор, вернулась к гостям. Потом подошла к трем другим столикам и поспешила на кухню за салатами.

Пока никто из постояльцев ничего не заметил. А если они и заметили, то не комментировали, и это уже хорошо. Если она займется делами, ей некогда будет думать, некогда будет волноваться и впадать в панику.

Она зашла на светлую жаркую кухню и увидела, что салаты уже готовы. Схватила их и вернулась в обеденный зал.

Дела были простыми, и ее это радовало. Что она чувствовала? *Растерянность*? Нет, слабо сказано. Скорее, это был *ужас*.

Уволена. Нет, это невозможно. Ее нельзя уволить. Это ее дом, она прожила здесь почти десять лет. Вложила в отель душу и сердце. Любила его. Ведь надо же считаться с этим, правда? Фактически она хозяйка отеля, и закон должен это учесть. Надо что-то предпринять. Мишель не может просто так вернуться и уволить ее.

Нет, она может.

Сдерживая слезы, Карли скрылась в буфетной. Мраморная столешница холодила пальцы. Мрамор она выбирала сама, полки тоже и даже столы и стулья для расширившегося ресторана.

Она ведь обещала, думала Карли, опустив голову; глаза жгло. Бренда обещала дать ей долю в отеле. Два процента в год, пока не дойдет до половины, и тогда они станут равными партнерами. Карли сейчас по праву владела бы уже почти двадцатью процентами. Вот только отель принадлежал не Бренде.

Мишель давно утверждала, что отец оставил ей отель, но Карли была уверена, что ее подруга хвасталась и выда-

вала желаемое за действительное, просто потому что жила там и помогала по хозяйству. Дети ведь всегда охотно фантазируют. Но Мишель говорила правду, а Бренда лгала. И вот теперь Карли было некуда идти.

Она вытерла слезы и, возвращаясь к посетителям, изобразила на лице улыбку.

Была почти половина восьмого, когда она вернулась в частную зону отеля — в комнаты, где она поселилась после рождения Габби, комнаты с воспоминаниями. Она обставила их на свой вкус.

Габби смотрела телевизор, но подняла голову и улыбнулась. Бриттани, ее постоянная нянька, быстро отложила свой айфон. Габби сползла с дивана и подбежала к матери.

— Мамочка.

Больше она ничего не добавила, только повисла на ее руке.

Карли обняла дочку; как почти каждая мать на планете, она знала, что пойдет на что угодно ради своего ребенка. В том числе оградит ее от правды — что их, возможно, выселят из дома.

— Как вы провели вечер? — спросила она, убрав светлые волосы Габби с ее лица и заглянув в синие глаза.

— Хорошо. Я победила Бриттани в двух пазлах из «Колеса Фортуны»<sup>1</sup>.

Девочка-подросток усмехнулась.

— Вот видите? Ей помогли домашние задания по правописанию.

Габби наморщила носик.

— Я больше люблю математику.

---

<sup>1</sup> «Колесо Фортуны» — американская телеигра. Игроки разгадывают кроссворд по фрагментам и могут получить призы — какими они будут, определяется с помощью вращения ярмарочного колеса.

— Ужин был клевый, — сказала Бриттани и встала с дивана. — Спасибо.

Карли принесла им в половине шестого пасту с курицей под соусом марсала. Она работала в ресторане два вечера в неделю и могла во время своей смены приносить ужин домой.

— Я рада, что вам понравилась курица.

— Очень понравилась, — сказала Габби.

Бриттани уже натянула куртку.

— Ты встречаешься с Майклом? — спросила Карли, провожая девочку к двери.

— Да, — улыбнулась она. — Мы пойдем в боулинг с друзьями.

— Я скоро позвоню насчет летнего лагеря, — сказала Карли и услышала, как дочь тихо фыркнула. Габби не любила летний лагерь — в основном из-за походов, потому что там приходилось плавать на каяке и ходить в горы. Дочка предпочитала читать или играть в компьютерные игры.

— Летом у меня уроки с восьми до двенадцати. — Бриттани вытащила из-за ворота куртки свою длинную рыжую косу. — Так что потом я свободна. — Она нерешительно спросила, понизив голос: — Это была она? Мишель?

Карли кивнула.

— Она не такая, как я думала. По-моему, она не злая. И ничего такого не сделала. Просто, не знаю...

Карли чуть не заспорила с ней, и это доказывало, что можно в любую минуту оказаться идиоткой.

— Она не такая плохая, — сказала она, как бы соглашаясь на компромисс. С ее стороны это было очень великодушно, учитывая, что ее уволили.

— О'кей. Доброй ночи.

Бриттани ушла, и Карли села на диван. Дочка пристроилась рядом, положив голову на плечо матери.

— Она мне не нравится, — прошептала Габби. — Неужели она останется?

Карли хотела сказать, что ей Мишель тоже не нравится, но понимала, что это будет ошибкой. Тяжело делать правильные вещи, это как заноза в заднице, подумала она, глядя дочку по голове.

— Давай поглядим, что будет дальше, прежде чем делать выводы, — весело сказала она, игнорируя ощущение надвигающейся беды.

— Мамочка, ты всегда так говоришь, — со вздохом сказала Габби. — Пытаешься понять обе стороны. Неужели тебе не хочется иногда просто рассердиться?

— Чаше, чем ты думаешь.

Она знала, что Мишель нуждается в ней. По крайней мере, в ближайшее время. Ведь кто-то должен управлять отелем. Бренда умерла, и осталась лишь Карли. Мишель потребуется время, чтобы выздороветь и войти в курс дела. Слова об увольнении прозвучали импульсивно — да, только слова, не намерения.

Это был просто самообман, думала она, крепко прижимая к себе дочку. Как если не верить в призраков, когда они рядом.



Через полтора часа Карли поцеловала дочку в лоб.

— Спи, — пробормотала она. — Я люблю тебя.

— Я тебя тоже люблю, мамочка.

Слова были сказаны сонным голосом. У Габби уже закрывались глаза. Хотя дочка уже несколько лет не просила рассказывать ей перед сном сказку, она любила, чтобы мама укладывала ее спать, поправляла одеяло. Ей девять лет, осенью стукнет десять. Сколько еще у них впереди таких лет? Рано или поздно

мама превратится для нее из подружки в досадную помеху.

Карли не помнила, с какого возраста она стала стыдиться своих родителей, считать глупым все, что они делали. В семнадцать лет она отчаянно стремилась к свободе. Забавно, что матери надо было сбежать от них, чтобы Карли поняла, как ей плохо без нее. Но было уже слишком поздно говорить ей это. И потом она уже сама, без советов матери, росла и постигала науку быть женщиной.

Она снова поцеловала Габби и молча пообещала себе никогда не бросать своего ребенка, что бы там ни было. Слабый свет ночника освещал ей знакомый путь. При всем стремлении подросток к независимости она все-таки не любила спать в темноте.

В дверях Карли задержалась и взглянула на спящего ребенка, затем на спальню. Она сама шила занавески и вешала полки. Купила дешевую краску, отыскала в местном магазине экономкласса уцененные товары, например теплое одеяло веселой расцветки, даже не распакованное. На нижней полке шкафа стояла большая банка, Карли бросала в нее остававшуюся мелочь — копила деньги ко дню рождения дочки и на Рождество. Так что им удавалось сводить концы с концами.

Все это изменится, если ее уволят. Она потеряет не только работу, но и жилье.

Некоторое время она стояла в полной темноте и вспоминала время, когда эта комната принадлежала Мишель. В выходные они часто ночевали вместе, обычно именно здесь, потому что так было лучше. Безопаснее. Когда им было столько, сколько сейчас Габби, они плели гирлянды из ромашек и дарили их гостям отеля. Бегали на берег и бросали камешки в Саунд. Мишель бродила по холодной воде, а Карли ждала ее на берегу. Она всегда боялась воды. Она не могла объяснить причину, у нее не было

никаких ранних травм. Фобия существовала просто сама по себе. К сожалению, она передалась и дочке.

В лучшие моменты она говорила себе, что у них с дочкой все хорошо — любовь, забота, уютный дом. Их жизнь была размеренной и предсказуемой. Они были счастливы. Чего бы это ни стоило, Карли должна постараться, чтобы так было и дальше.



Комната в мотеле была такой же, как и в тысяче других придорожных заведений. Кровать узкая и жесткая, простыни грубые, ковер в пятнах. Темные занавески не сходились на середине. Свет фар бил в окно и чертил узоры на противоположной стене. В санузле размеренно капала вода из крана.

Мишель подумала, что могла бы найти место и получше, но ее это не слишком волновало. На одну ночь сойдет. К тому же этот мотель стоял близко от автомагистрали, ведущей в город, и в нем ночевали водители грузовых автомобилей. Здесь она едва ли могла столкнуться с кем-то из знакомых. Прямо сейчас анонимность была плюсом.

Она пустила воду из душа, пока пар не наполнил маленькую ванную. Раздевшись, она шагнула под струи, и ее омыла горячая вода. Она взяла крошечное мыло, намылила волосы и ополоснула.

Хотя в ванной было тепло, она дрожала. Вскоре она закрыла краны и вытерлась маленьким тонким полотенцем. Мишель месяцами не смотрелась в зеркало, и это ее устраивало. Все равно она не пользовалась косметикой. Единственной уступкой коже был солнцезащитный крем. Теперь она вернулась на Северо-Запад, так что не беспокоилась и об этом.

Одеваясь, она старалась не глядеть на заживающие шрамы на бедре. Она не сомневалась, что хирург сделал все, что мог, привел рану в более-менее приличный вид, но все равно этого было недостаточно.

Конечно, она понимала, что ей еще повезло. Она была жива. Частичная замена бедра — ерунда по сравнению с тем, что доставалось другим. Она выжила, достигла цели каждого солдата — не умереть. Все остальное как-нибудь образуется.

Она вышла из крошечной ванной. В углу на узком столике лежали рекламные листки доставки блюд из ресторана. Пожалуй, ей не мешало поесть. Она сидела на антибиотиках и обезболивающих. Если у нее будет что-нибудь в желудке, они легче подействуют. Или она обойдется без них, решив проблему иначе.

На ночном столике стоял бумажный пакет. Мишель подошла и достала бутылку водки.

— Привет, — пробормотала она, отвинчивая пробку. — Я не ишу ничего серьезного. Давай проведем ночь вместе, не возражаешь?

В госпитале консультант предупредила ее, что использование юмора в качестве защитного механизма помещает полному выздоровлению. Она ответила, что может жить и с изъянами.

Ночь была тихой. Постоянный рокот автомобилей казался практически колыбельной по сравнению с тем, что она слышала всего несколько месяцев назад. Теперь не было ни угрозы взрывов, ни рева тяжелой техники, ни реактивных самолетов над головой. Ночь была прохладной, не жаркой, а небо облачным.

Ей предстояло принять какое-то решение. Она не могла обойтись без отеля. Там было ее место, во всяком случае, когда-то. Значит, возникала проблема с Карли. Объявляя о ее увольнении, Мишель была счастлива.

Может, оставить ее в отеле, чтобы иногда увольнять? Делать себе маленький подарок.

— Так нехорошо, гадко, даже для тебя, — пробормотала она, все еще глядя на водку.

Она обессиленно хотела лечь и закрыть глаза. Но она сопротивлялась, несмотря на желание выздороветь. За сон приходилось дорого платить. Он приносил сновидения, а сновидения были новым уровнем ада.

— Но только не с тобой, — сказала она, беря бутылку. — С тобой все хорошо.

Она пила большими глотками, спиртное обжигало гортань и текло в пустой желудок. Она пила и пила, пока у нее не появилась уверенность, что снов не будет, что эта ночь пройдет без них.

## Глава 4

Стук в кухонную дверь заставил Габби соскочить со стула.

— Я открою! Я открою! — закричала она.

И ведь даже замолчать не попросишь, подумала Карли. Габби была утренней пташкой. Обычно Карли не обращала внимания на ее крики, но теперь, после практически бессонной ночи, полной тревожных размышлений, пронзительный, словно осколки стекла, голос дочки ранил ее мозг.

Габби повозилась с замком и распахнула дверь.

— Дядя Роберт!

Раскинув руки, она бросилась к появившемуся в дверях мужчине. Роберт подхватил ее и поднял высоко в воздух.

— Как поживает моя славная девочка? — спросил он, целуя ее в щеку.

— Хорошо. У нас на завтрак оладьи с ежевикой.

— Вот это неожиданность! — засмеялся Роберт.

Они посмеялись вместе, потом он поставил ее на пол. Габби снова села за стол, а Роберт закрыл дверь.

— Как все прошло? — спросил он, входя на кухню.

Карли поняла, что он имел в виду, и не знала, что ответить. Просто пожала плечами и стала готовить ему кофе. Роберт занял свое обычное место — он регулярно завтракал с ними пару раз в неделю.

— Спасибо, — поблагодарил он, взяв кружку. Потом повернулся к Габби. — Готова к школе?

Она весело кивнула, тряхнув светлыми волосиками. Габби обожала и школьные занятия, и своих подружек. Она была общительной девочкой.

— Что вы изучаете на этой неделе? — спросил он. — Дифференциальное исчисление? Ты же учишься в колледже, да?

— Дядя Роберт, мне только девять, — хихикнула Габби.

— Неужели! Ты выглядишь старше. Я бы дал тебе лет двадцать.

Это был их обычный разговор. Габби обожала своего дядю, он ее тоже. Семья у меня хорошая, говорила себе Карли. Хотя убедилась в этом, только когда родила Габби. Ее дочка была даром свыше, Карли даже не знала, за что ей такое счастье, но с остальными родственниками она почти не общалась.

Роберт был необычайно добрым и уделял им много времени и внимания. Карли знала, что им отчасти движет чувство вины. Роберт был хорошим парнем, из тех, кто не бросает слов на ветер. И ожидал того же самого от других. А вот его брат Аллен был не таким, и он ушел от Карли еще до рождения их дочери.

Это стало для нее шоком, но хуже всего было то, что он опустошил ее банковский счет и забрал все деньги до последнего пенни.

Тогда вмешался Роберт и предложил Карли жить с ним. Она отказалась и вместо этого устроилась на работу в отель. Роберт разыскал брата. Но Аллен отказался возвращаться, а все деньги уже спустил. Последовал развод. Он никогда не давал денег на дочку, но зато подписал отказ от отцовских прав. Конечно, деньги бы им не помешали, но Карли была рада и тому, что он ушел. Он был из тех людей, которые создают проблемы и спокойно уходят, не беспокоясь о том, что оставляют после себя разбитые жизни.

Габби доела завтрак и отнесла свою мисочку в раковину.

— Сейчас я почищу зубы, — объявила она и выскочила из кухни.

Роберт проводил ее глазами.

— Прямо не верится, как она выросла.

— Ей скоро десять. — Взяв свою кружку кофе, Карли села к столу.

— Ты видела ее вчера? — спросил он.

Не было смысла уточнять, о ком речь. Карли не раз делилась с Робертом своими опасениями насчет Мишель. И он был свидетелем их конфликта десятилетней давности.

— Да, — сказала она. — Мельком. Она... изменилась. Похудела. Она хромает, но это понятно.

— Ее ранили в бедро, верно? Я слышал об этом.

Карли кивнула.

— Вы поговорили? — спросил он.

— Вообще-то нет. Она была уставшая.

Или Карли так показалось. Она не собиралась делиться с ним тем, что сказала Мишель. Она даже думать об этом не хотела... пока что. Ну а уж если Мишель уволит ее, тогда она и начнет строить планы.

Вернулась паника, но она игнорировала ее. У нее будет еще много времени, сказала она себе. Когда она останется одна. Если она поддастся страху сейчас, перед Робертом, он заметит это и станет ее утешать, обнимет... Нет, она не хотела давать ему повод для этого.

Роберт был похож на брата: среднего роста, широкоплечий, темноволосый и с черными глазами. Это интриговало ее и одновременно вызывало желание убежать прочь. Аллен был младше почти на шесть лет и отличался от него невероятным обаянием и веселым нравом. То, что он уйдет от Карли, было неизбежно — словно прибой, накатывающий на скалистый берег острова.

Роберт был почти таким же красавцем, только без тяги к разрушению. Он владел автомастерской в дальнем конце города. Он был хорошим человеком, хотел заботиться о ней и Габби, и Карли позволяла ему. Потому что это было легко. Потому что он не требовал от нее ничего, никаких близких отношений, а она и не хотела их.

Но она иногда задумывалась, не придется ли ей заплатить высокую цену за эту легкость. Не используют ли они друг друга, чтобы не искать то, чего действительно хотят? Может, с кем-нибудь еще ей будет лучше? Конечно, если Мишель ее уволит, проблем будет меньше. Она подозревала, что, оставшись без дома, утратит почти всю свою привлекательность для возможных бойфрендов.

— Ну и как? Нормально? — спросил он.

— Я знала, что она приедет, но все равно видеть ее было шоком.

— Мне очень жаль. Неприятная ситуация.

— Брось говорить об этом. Тут совсем нет твоей вины.

— Он мой брат.

— Я вышла за него замуж. Знала, какой он, но все равно стала его женой.

Она вышла за него, хотя за два дня до свадьбы застучала со своей лучшей подругой. Аллен тогда винил во всем Мишель, мол, она его соблазнила, а он не виноват.

Карли до сих пор помнила все до мелочей. В тот день она наконец-то купила фигурки для свадебного торта. Нашла их в антикварном магазине в Абердине. Из тонкого фарфора, чуточку старомодные. Но ей понравилось, как они смотрят друг на друга, взявшись за крошечные руки. Она купила их, принесла в свой маленький дом и тщательно помыла. Потом решила показать их Мишель.

Да, тот день она помнит до сих пор. Журавли были всюду. Они делали гнезда и громко орали, раздраемые птичьими гормонами. И день был солнечный — редкое событие на Северо-Западе.

Она зашла в отель, чувствуя себя там чужой. Они с Мишель только недавно помирились. Их дружба, такая крепкая когда-то, дала трещину. После яркого солнца ее глаза постепенно привыкли к полумраку приватной зоны, и Карли направилась через гостиную в спальню Мишель, ни о чем не думая, не постучав. Они лежали в постели, голые. Сплетение рук и ног.

Сначала она не поверила своим глазам. Она стояла, держа в руках фигурки, и не могла понять, почему стало так плохо. Словно видела сон, в котором стулья стоят на потолке.

Потом расплывчатая картинка сфокусировалась, и Карли поняла, что случилось. Что ее предал человек, которому она должна была доверять больше всех на свете. Предал с Мишель — уже разрушившей почти все, что у нее было.

Аллен вскочил и бросился к ней. С возбужденным, влажным penisом и всклокоченными волосами.

— Карли, пожалуйста, прости. Это случайность.

Она помнит, как он говорил что-то еще, умолял. Обвинял во всем Мишель, а та сидела на постели с равнодушным лицом. Карли ждала — не объяснений Аллена, а что скажет Мишель. Через некоторое время она и сказала.

— Ты бы шла домой.

Вот так. Четыре слова. Ни объяснений, ни извинений. Просто «ты бы шла домой».

Карли убежала прочь.

Через два дня она вышла замуж за Аллена. Потому что так было проще, чем глядеть правде в глаза. Потому что она боялась остаться одна. Забавно, что она в конце концов одна и осталась.

— Ты со всем разберешься, — сказал ей Роберт. — Вы с Мишель были подругами. Вам надо поговорить по душам, и вы снова помиритесь.

Она кивала, потому что так было проще, чем сказать правду. В том, что Карли была пострадавшей стороной, а Мишель, казалось, приехала домой ради мести.



Мишель вошла на кухню отеля и вдохнула аромат корицы и кофе, смешанный с сытным запахом бекона. У нее потекли слюнки, и ей впервые за несколько месяцев захотелось есть.

Кухня изменилась — стала больше, в ней прибавилось окон, но плита была прежняя, с восемью горелками. За ней правила Дамарис, рывкая команды официанткам и помощникам.

Мишель наблюдала, как повариха посыпает омлеты своими секретными приправами и переворачивает оладьи. К омлетам добавлялись нарезанные кубиками овощи и сыр, а ежевика добавлялась ко всему. Тосты потрескивали, соковыжималка жужжала, тарелки стучали, и все это сопровождалось криком «Новый заказ!».

Голова ее болела почти наравне с бедром. После вчерашнего, когда было слишком много водки и слишком мало еды. Но сейчас она глядела на Дамарис, и боль отступала на задний план. Здесь, в этом хаосе, она наконец-то поняла, что вернулась домой.

— Последний заказ, — крикнула Дамарис, со стуком поставив еще одну тарелку.

Мишель взглянула на часы. Почти девять. В это время года и в середине недели посетители завтракают рано, многие едут потом на работу. Обычно они погружены в свои мысли, строят планы и обдумывают предстоящие дела.

— Доброе утро, — поздоровалась она, когда Дамарис выключила горелки.

Повариха повернулась и прижала руку к груди.

— Когда ты пришла?

— Несколько минут назад.

Дамарис поспешила к ней, вытирая руки о белый фартук.

— Как я рада тебя видеть, — сказала она, прижимая Мишель к себе. — Ты голодная, — заявила она, отстраняясь. — Конечно, голодная. Как же иначе? Я приготовлю сейчас твое любимое.

— Не надо! Не хлопочи.

Темные брови поварихи поднялись над оправой очков.

— Ты думаешь, я не помню, что ты любишь? Сядь.

Мишель захромала к столешнице и села на табурет. Дамарис налила кофе и подала ей, потом посмотрела на лежавшие перед ней продукты.

— Ты не ночевала в отеле, — сказала она, нарезая коричный хлеб. — Я спрашивала.

— Мне не хотелось. — Это была почти правда. — Странно возвращаться назад.

— Это потому что ты слишком долго ждала. О чем ты только думала? Десять лет! За все это время ты не могла приехать повидаться со мной?

Мишель не ответила. То, что она не приезжала, не имело никакого отношения к Дамарис — дело было в Карли и Бренде.

— Что ты думаешь о здешних переменах? — спросила Дамарис, взбивая яйца.

— Их тут больше, чем ты говорила. Весь отель изменился.

— Я не хотела тебя расстраивать. Карли предложила, а твоя мать взялась за дело. Подрядчик был из Сиэтла. Бренда не стала нанимать местных. По-моему, она спала с ним.

— Моя мать?

— Он использовал ее, если хочешь знать. Новая крыша и переделанная кухня видишь какие? Мне даже

было жалко ее. Он уехал, как только закончил работы, и больше носу не показал. Так не везло ей с мужиками. — Она посмотрела поверх очков. — Как я сказала, мне было жалко ее.

Мишель не смогла обнаружить у себя даже капли сочувствия.

— Зря она все затеяла. Отель не нуждался в переделке. Он вообще не принадлежал ей. Она не имела права.

— Думаешь, это остановило бы ее?

— Нет.

В голове снова запульсировала боль. В бедре она никуда и не девалась. Мишель следовало бы принять обезболивающее, которое дали ей доктора, но ей не нравилось, как она себя потом чувствует. Чокнутой.

Кстати, какая ирония. Она без проблем разрушала свое здоровье водкой, но отказывалась принимать обезболивающие. Конечно, если разобраться, это противоречие было крупницей по сравнению с хаосом в ее голове. Она чувствовала, что вот-вот превратится в «интересный случай» для какого-нибудь медицинского журнала. Или у нее просто мания величия?

Дамарис поставила перед ней тарелку. Французский тост из коричневого хлеба с сосиской. И рядом ежевика.

— Неужели? — спросила она, рассеянно тыча вилкой в одну из ягод.

— Традиция такая. — Дамарис усмехнулась.

Потому что тут, на Ежевичном острове, к любым блюдам подавалась ежевика. В детстве отец в шутку говорил Мишель, что им еще повезло; было бы хуже, если бы они жили на острове Брокколи или на Шпинатном. Она вспомнила, как смеялась тогда над отцовской шуткой, а потом вздохнула и попыталась вспомнить последний раз, когда что-то показалось ей хоть немножко смешным.

Она отрезала маленький кусочек французского тоста. Края приятно хрустели, корица просвечивала сквозь слой

яйца. На языке все смешивалось, подслащенное кленовым сиропом. И сам хлеб, легкий, но сытный, тоже радовал нёбо.

Многие считали, что больше всего запоминаются запахи, а для Мишель это был вкус. Она помнила его, хотя в последний раз ела такой завтрак, как ей казалось, тысячу лет назад. Помнила, где она сидела, о чем они говорили тогда за столом. Дамарис приготовила ей точно такое же блюдо в самое первое утро, когда только что устроилась на работу в отель.

— Боже, какая ты мастерица!

— Уж я-то точно такая, как и была, — засмеялась Дамарис.

Она налила себе кофе, подвинула поближе табурет и стала смотреть, как Мишель завтракает.

Мишель разделалась с французским тостом и взялась за сосиски. Они были такими же, как она помнила; их делали фермеры на севере острова. Напоследок она съела ежевику.

— Ягоды из Чили? — спросила она. На острове они еще не созрели.

Дамарис вытаращила глаза.

— Тсс! Это практически святотатство. Все, что мы подаем, местное.

— Ты такая врушка. Мы разве так говорим?

— Нет, но люди так считают.

— Сейчас лишь первая неделя мая, на улице всего десять градусов. Никто и не поверит, что они местные.

Дамарис шмыгнула носом.

— На том конце острова есть оранжерея.

— Так она размером с эту кухню. Там поместятся два куста, не больше.

— Все равно. — Дамарис отхлебнула кофе. — И что же теперь?

Повариха явно спрашивала не о том, собирается ли Мишель отнести тарелку в раковину.

— Я возвращаюсь к своей прежней упорядоченной жизни. Буду управлять отелем, как когда-то.

— Ты не справишься в одиночку.

Мишель посмотрела на нее. Может, Дамарис слышала про их вчерашний конфликт с Карли?

— Отель стал больше, — продолжала повариха. — Тридцать комнат. На носу лето. Ты сама знаешь, что это такое.

Да, толпы туристов, набитый отель.

*Я уволила Карли.*

Мишель мысленно произносила эти слова, взвешивала их, наслаждалась удовлетворением, которое они ей доставляли.

Действительность будет другой, подумала она, сжимающая кружку. Будет тяжелая работа от зари до зари. С ее больным бедром и физиотерапией, не говоря уж о том, что лестницы станут для нее кошмаром. Дамарис права. Одной ей не справиться.

На самом пороге летнего сезона она просто не найдет себе хорошего помощника. Так что, несмотря на свое огромное желание, она понимала, что увольнять Карли просто глупо.

— Считаешь, я должна ее оставить?

Не нужно было и пояснять, о ком речь.

Дамарис пожала плечами:

— Пока да. Она не хочет уходить. У нее тут дочка. Габби. Между прочим, милая девчушка.

Дамарис всегда была ее союзницей. Мишель импульсивно протянула руку через столешницу из нержавеющей стали и сжала руку поварихи.

— Я скучала по тебе.

— Я тоже скучала.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась темноволосяя женщина чуть моложе Мишель. На ней была розо-

вая блузка, заправленная в черные брюки. Волосы были завязаны на затылке.

— Изабелла, иди сюда. Это Мишель. Мишель, это моя невестка. Изабелла замужем за Эриком.

Мишель улыбнулась:

— Так он наконец женился? Просто не верится.

— Четыре года назад, — сообщила Изабелла.

Мишель вспомнила, что Эрик не видел смысла завести себе подружку. Зачем ограничивать себя одной женщиной? Пару раз он подбивал к ней клинья, один раз даже вытащил пенис. Она тогда впервые взглянула на мужской член, и у нее невольно вырвалось: «Серьезно? Так вот из-за чего все с ума сходят!» Ее восклицание не только остановило его, но и отбило всякую охоту приставать к ней.

— Поздравляю, — сказала она Изабелле, надеясь, что Эрик одумался и стал хорошим мужем.

— Спасибо.

— У них есть ребенок. Маленькая девочка.

— Какая хорошая новость.

Повисло неловкое молчание.

— О'кей. Рада была познакомиться. — Изабелла повернулась к свекрови. — Все посетители ушли. Я закрываю обеденный зал. Вернусь в четверть двенадцатого.

— Ладно, увидимся.

— Пока, — сказала Изабелла и ушла.

— Она тут старшая официантка. Обслуживает завтраки и ланчи, — сказала Дамарис. — Ей так удобно. Она может немного заработать и быть дома с ребенком.

— Хорошо.

Мишель понимала, что ей надо задавать вопрос за вопросом, входить в курс дела. Она вернулась. Но внезапно она поняла, что не может общаться с людьми, хотя это самая простая часть ее работы. Ей хотелось забиться

куда-нибудь в маленькую комнатку, где она почувствует себя в безопасности. Где все знакомо.

Она встала и протянула руку к посуде.

— Оставь, — сказала Дамарис. — Я убегу.

Мишель обошла вокруг стола и обняла женщину, которая всегда заботилась о ней.

— Спасибо, — прошептала она и поцеловала Дамарис в макушку.

— Добро пожаловать домой, Мишель. Я так рада, что ты вернулась.

— Я тоже. — Вроде бы.

Она захромала к двери, ведущей в ресторан. Оттуда она пойдет в отель и подумает, что делать дальше.

— Мишель?

Она замерла и оглянулась.

— Я горжусь тобой. — Дамарис улыбнулась.

Мишель почувствовала, как у нее перехватило горло.

— Спасибо.

## Глава 5

**К**абинет матери, а теперь *ее кабинет*, был одним из немногих мест, оставшихся в прежнем виде. Мишель села в старое деревянное кресло и усмехнулась, услышав знакомый протестующий скрип. Кресло было старше ее, его купили на какой-то распродаже офисной мебели много-много лет назад. Как и письменный стол, оно было поцарапанным и старомодным, но вполне исправным.

«Компьютер относительно новый, возможно, за последние десять лет его меняли не один раз», — подумала она, нажимая на кнопку пуска. Хотя у нее в Афгане комп был поновее.

Стену за ее спиной всю до самого потолка занимали книжные полки. На них десятки лет пылились массивные бухгалтерские книги. Запах старой кожи и хрупкой от времени бумаги успокоил ее. Здесь, глядя на акварельный рисунок отеля, каким он был раньше, и на знакомый плетеный коврик под ногами, она почувствовала себя почти дома.

В пятидесятые ее только что поженившиеся дед с бабушкой неожиданно получили наследство и сразу купили этот отель. Тут родился и рос отец Мишель, а потом и она сама. Три поколения Сандерсонов оставили свои следы в этом старом доме. Мишель никогда и не собиралась жить где-то еще.

Десять лет назад некоторые чрезвычайные обстоятельства — ну хорошо, чувство вины — заставили ее пойти

в армию. Через одиннадцать месяцев ее отправили за океан, и в конце концов она оказалась в Ираке. Работа в службе снабжения занимала у нее много времени. Она знала, что приносит пользу, и поэтому просилась в командировки еще два раза.

Свой отпуск она проводила в Европе, почти три недели путешествовала по Австралии, видела Великую Китайскую стену. Но вообще-то она была готова к тому, чтобы жить прежней жизнью. Будь ее воля, она больше никогда не уезжала бы с острова.

Переключив внимание на экран, Мишель кликнула на иконку отеля. Компьютер тут же потребовал пароль. Хоть железо и меняли, но софт, скорее всего, оставили прежний. Мишель ввела старый пароль и без проблем открыла сайт отеля, посмотрела бронирования и электронный реестр платежных документов.

Взглянула на даты и нахмурилась. Все записи резко оборвались три месяца назад. Что за...

Смерть ее матери, вот что. Бренда вела бухгалтерский учет. Вероятно, только она пользовалась компьютером и не допускала к нему Карли. Что это означает? Что ни один счет не оплачен? Она помнила, что у Карли много недостатков, но безответственность среди них не числилась.

Она посмотрела на лежавшие на столе бумаги. Стала искать пачку счетов, но вместо этого обнаружила блокнот, а в нем записи, сделанные аккуратным почерком:

*17 апреля. Deга. \$237.18*

Записи велись три месяца и включали две ежемесячные выплаты по кредиту на разные суммы. Изучая их, Мишель узнала почерк Карли. Значит, она все-таки платила по счетам, но вручную. Почему она не пользовалась компьютером? Не знала как или не считала себя вправе это делать?

Мишель порылась в ящиках и нашла чековую книжку. В глаза бросился почерк матери — неровные каракули, контрастировавшие с мелкими, аккуратными записями Карли. Мишель глядела на цифры и видела их форму, а не суммы. Она задержала дыхание и приготовилась к неизбежному.

Вдох, выдох, и вот оно.

Глухой стук автомобиля, врезавшегося в скалу. Вина. Она ударяла в нее со всех сторон, заставляя ежиться на стуле. Завтрак превратился в желудке из приятной пищи в нечто тяжелое.

Угрызения совести смешались со стыдом, но эмоции были эфемерными. Потому что она не ладила с матерью, потому что та, другая женщина злилась на нее за вещи, за которые не может отвечать подросток. В глубине души Мишель радовалась, что ее не было тут, когда умирала мать. И понимала, что нехорошо радоваться этому.

Нет, Бренда была не одна. Рядом с ней была Карли, «поистине любимая дочь», как Бренда называла ее в своих редких имейлах. Но ведь Карли не член семьи.

Мишель ясно понимала, что причиной вины была неоднозначность ситуации, но легче ей от этого не становилось.

«Сосредоточься», — приказала она себе. Похмелье проходило, и головная боль осталась лишь фоновым шумом. Кто знает, какие финансовые потрясения пережил отель за десять лет. Нужно покопаться в цифрах и продумать план. Армия была хорошей школой: теперь она классный специалист в логистике.

Она взялась за мышку, но тут зазвонил телефон. Резкий звук прорезал тишину и заставил Мишель вздрогнуть. Сердце тут же учащенно заколотилось, а тело мгновенно покрылось холодным потом. К боли в бедре присоединился страх, ей захотелось нырнуть под стол. Но вместо этого она взяла трубку.

— Сандерсон, — сказала она по давней привычке, хотя скорее процедила сквозь зубы.

— Тут звонок по первой линии. Эллен Сноу из банка «Сбережения и кредиты».

Карли говорила спокойно. Неужели Мишель лишь померещилось, что вчера она уволила ее? Значит, она зря радовалась?

— Ты еще здесь?

— Похоже на то. Ты примешь звонок?

Вместо ответа Мишель ткнула пальцем в горящую кнопку, отключила Карли и перешла на первую линию.

— На связи Мишель Сандерсон. Чем могу быть полезна?

— Мишель, как я рада слышать твой голос. Я Эллен Сноу из банка. Не знаю, помнишь ли ты меня.

Мишель откинулась на спинку кресла.

— Мы учились в одной школе.

— Правильно, — засмеялась Эллен. — Я была на год моложе тебя, а мой брат Майлс — на год старше.

Мишель смутно ее помнила. Блондинка, кажется. Нордический тип. Майлса знали все, Эллен не очень.

— Я помню, — скорее из вежливости ответила она.

— Просто хочу сказать: по-моему, то, что ты делала, замечательно. Ты служила нашей стране. Возможно, это звучит странно, но спасибо тебе.

Мишель открыла рот, но потом закрыла его.

Что на это ответить? Причины, по которым она пошла в армию, были далеки от альтруизма и патриотических мотивов, а теперь она вернулась и хотела наладить нормальную жизнь, сделать вид, будто ничего не случилось. Едва ли ее действия заслуживают таких восторженных слов.

— А-а, не стоит благодарности.

— Ну, раз ты вернулась домой, я полагаю, ты будешь сама управлять отелем?

— Да.

— Хорошо. Как тебе, возможно, известно, наш банк располагает двумя закладными на отель. — Элен сменила тон с дружеского на деловой. — Нам нужно поговорить об этом как можно скорее. Тебя устроит десять тридцать?

Вторая закладная? Когда это случилось? Во всяком случае, это объясняет второй ежемесячный платеж, но почему?

Мишель закрыла глаза и увидела новую крышу, расширенный ресторан — и мысленно выругалась. Мать управляла отелем — и вот первый подарочек от нее.

— Сегодня утром в десять тридцать?

— Да, у меня будет в это время окошко.

Как будто у Мишель больше не было никаких дел.

— Я приеду.

— Буду ждать.



Банк «Сбережения и кредиты» стоял в центре городка. Процветавший в былые времена деловой квартал теперь заняли магазины и рестораны, которыми пользовались чаще туристы, чем местные жители. Фирмы, обслуживавшие местных, были вытеснены из центра. И только кирпичное здание банка с деревянными полами и муралом 1940 года как стояло почти сто лет на своем месте, так и осталось стоять.

Мишель поставила машину возле банка и вошла в стеклянные двери — одну из немногих уступок новым временам.

У входа не было охранника, и, если бы она игнорировала висевшие на стенах камеры, ей могло бы показаться, что она снова перенеслась в свое детство и пришла в банк вместе с отцом.

Перед окошком кассы стояла немолодая женщина. Других посетителей, кажется, не было. Мишель обвела взглядом кабинеты, тянувшиеся вдоль стены, и направилась к деревянной двери со стеклом, на которой было имя Эллен.

Постучалась в приоткрытую дверь.

Эллен подняла голову, улыбнулась и встала.

— Мишель, большое спасибо, что ты пришла. Как дела?

— Спасибо, нормально.

Она зашла в маленький кабинет, изо всех сил стараясь не хромать. В отеле ее футболка и штаны карго казались нормальными, но тут, рядом с Эллен, она почувствовала себя оборванной нищенкой.

Эллен была такой же стройной, как когда-то в школе. Длинные светлые волосы до плеч. Слегка подкрашенные газельи глаза. Жемчуг, вероятно настоящий, поверх светло-зеленой «двойки». Низкие каблуки и черная прямая юбка до колен дополняли образ «я сотрудница банка, мне можно доверять».

Мишель села на предложенное место, пытаюсь вспомнить, причесала ли она утром волосы. Душ она приняла, так что была чистой, но ее единственной уступкой в плане ухода была чистка зубов.

— Я так огорчилась, когда узнала о твоей матери, — деликатно сказала Эллен, дождавшись, когда Мишель усядется, потом снова заняла свое место за столом и наклонилась вперед. — Представляю, как тебе было тяжело. Я слышала, что тебя тогда же и ранило. Как несправедлива судьба, верно?

— Да, ты права.

— Утрата близкого человека и ранение. А теперь еще и это. — Она кивнула на тонкую файловую папку, лежавшую перед ней.

— Что ты имеешь в виду?

Мишель разглядывала закрытую папку.

Ее собеседница сжала губы, словно обдумывая свои слова.

— У тебя уже была возможность оценить финансовые дела отеля?

Мишель пожалела, что оставила бутылку водки в motel. Иначе она бы сделала глоток прямо сейчас.

— Нет, я только приступила к этому, когда ты позвонила.

— Тогда позволь мне быстро ввести тебя в курс дела. — Она открыла папку. — Я ужасно огорчена, что именно мне приходится говорить тебе об этом. Жаль, что этот разговор нельзя отложить. — Она помолчала.

Мишель показалось, будто что-то ползет по ее коже.

— Говори все как есть.

— Отель в тяжелой ситуации. На мой взгляд, сейчас не время говорить об этом. Я знаю, что ты только что вернулась домой и тебе нужно время осмотреться и войти в курс дела, но у нас все определяет совет по кредитам. Новые правила такие строгие. Раньше у меня было больше влияния. Извини, тут и моя вина тоже.

Возможно, это все недосып. Мишель готова была поклясться, что Эллен только что объяснила ей ситуацию, но она все равно ничего не поняла.

— О чем ты сейчас говоришь?

— О кредитах для отеля. Тут два кредита, и оба просроченные. Боюсь, что речь может идти об аресте собственности.

Мишель вскочила, игнорируя мучительно острую боль в бедре.

— Что? Это невозможно. Как ты вообще можешь говорить об этом?

— Боюсь, что могу, так как это правда. Три последних платежа сделаны вовремя, но они касались только текущих сумм. По обоим кредитам были многомесячные просрочки. Со штрафами и процентами.

Мишель снова села. Боль в бедре растекалась во все стороны, словно лучи солнца. Она прожигала насквозь и не давала сосредоточиться.

— Мы владельцы отеля. Возможно, моя мать взяла кредит, чтобы оплатить ремонт. Но какая там сумма?

Эллен протянула ей листок с двумя непогашенными остатками кредитов. Они составляли почти полмиллиона долларов. Сумма просроченных платежей была почти тридцать тысяч.

Мишель уронила листок на стол и шумно втянула воздух. Это какой-то бред. Невозможно. Даже ее мать не могла быть такой безответственной.

— Думаю, что большая часть денег ушла на перестройку, — осторожно заметила Эллен. — Об умерших не говорят плохо, но Бренда тратила деньги слишком легко. Платежи по первому кредиту часто запаздывали. Когда она обратилась ко мне с просьбой о втором кредите, я даже сомневалась, одобрит ли его комитет. Мне буквально пришлось их уговаривать. — Она вздохнула. — Поэтому я отчасти тоже виновата. Догадываюсь по твоей реакции, что ты ничего не знала об этом.

— Нет. Она ничего мне не говорила. Отель находился в доверительном управлении, пока мне не исполнилось двадцать пять. К тому времени я уехала, и мать продолжала вести дела.

«И довела их до ручки, — с горечью подумала Мишель. — Интересно, сколько денег она потратила на себя. На наряды и украшения. На новые тачки».

Все это просто не укладывалось в голове. Да, увидев перестроенный отель, она подумала, что ей предстоит разбираться с задолженностями. Но не могла и предположить, что все так ужасно.

— Что же теперь будет? — спросила она.

— Зависит от тебя. Твоя семья много лет занималась этим бизнесом. Конечно, тебе будет трудно отказаться от него.

— Я не собираюсь продавать отель.

— У тебя нет выбора, — с сочувствием сказала Эллен. — Ты не сможешь выплатить просрочку. Я знаю, что у Бренды была страховка, но у вас может быть еще и задолженность по налогам. Даже с учетом летнего туристического сезона ты не сможешь погасить все долги. А если ты вбухаешь туда все деньги, как переживешь зиму? Отель — лакомый кусок. Ко мне уже обращались несколько заинтересованных лиц. Ты можешь выручить за него кучу денег, Мишель. Начнешь все заново где-то в другом месте.

— Нет. — Слово вылетело само собой. — Нет, я не буду его продавать. Надо найти какой-то другой выход. У меня есть деньги.

— Полмиллиона долларов?

— Нет, конечно, но разве я не могу взять кредит и потом его выплатить? У меня есть сбережения. Я почти не тратила зарплату, а еще есть бонусы за азиатские командировки.

Она чуть не выложила все, что у нее было, но вовремя удержалась. Ведь могут обнаружиться и другие неотложные счета. Налоги, о которых упомянула Эллен, или задолженность перед поставщиками.

Ей хотелось встать, но она заставила себя сидеть на месте. Она знала: если встанет, то немедленно убежит прочь, чтобы все это осталось позади. И что потом? Все равно придется вернуться. Так что уж лучше покончить с этим сразу.

— К завтрашнему дню я могу заплатить как минимум половину задолженности по кредиту. Может, и больше. Мне надо посмотреть и подумать. — Она наклонилась вперед и посмотрела на Эллен. — Ну что? Ты ведь сама сказала, что я защищала нашу страну. Ведь это тоже надо учитывать.

«Полная фигня, — подумала она. — Но, пожалуй, сейчас это пригодится».

— Я бы с радостью сказала тебе «да». Я целиком на твоей стороне, Мишель. Ты должна мне поверить. Эти новые правила такие ужасные. Я знаю, что ты можешь это сделать. Но дело не только в деньгах.

— Тогда в чем же?

— В управлении отелем.

— Я буду им управлять.

— Вот этого комитет и боится.

— Что? Я знаю, что делаю. Я много лет работала в отеле. Еще в школе я всем распоряжалась. Сама знаешь, что я никогда не ходила куда-нибудь с подружками и не занималась спортом. После школы я работала в отеле с утра до вечера. — Мишель вся кипела от такой несправедливости, ей хотелось швырнуть что-нибудь в стенку. — Черт побери, да у меня степень по управлению отелем. Я знаю, что надо делать.

— Конечно, конечно, я полностью согласна с тобой. — Эллен кивнула. — Я помню, что ты всегда работала еще в школьные годы. — Ее рот скривился в улыбке. — Моя мать всегда приводила тебя в пример нам с Майлсом. Какая ты серьезная и ответственная, а мы нет. Это было чуточку неприятно.

— Тогда почему это не учитывается?

— Мишель, я все понимаю. Но вот комитет считает по-другому. Бренда приезжала на ежеквартальные заседания. Она хвалила Карли. Мол, та прекрасно справляется с делами, отель не выживет без нее. К сожалению, ей поверили. После смерти твоей матери Карли регулярно оплачивала кредиты.

«Удар за ударом», — с горечью подумала Мишель.

— Так ты говоришь, что они доверяют Карли, а не мне? Но ведь она даже не может пользоваться компьютером. Она... — Мишель проглотила остаток фразы, которую хотела сказать. Ругаться было бесполезно.

— Я знаю, что у вас с Карли было трудное прошлое.